

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 1 февраля 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 1 de febrero de 1986. No. 1853

О. БАРТЕНЕВ

НЕСТИ СВОЙ КАМЕНЬ

Быть всерьез причастным к судьбе России, это значит — испытывать чувство дога и искать как его реализовать. Это значит, нести каждый свой камень для построения фундамента нового государства русского.

Политические концепции Ивана Лукьяновича Солоневича встречают противников и слева и справа. Справа возражают "зубры", не желающие признать того, что народная монархия может породить только государство нового типа, продолжающее, но не повторяющее традицию, развивающее ее в современных условиях. Реакционеры слева возмущены отрицанием партийной системы, признанием ее антинародной, отсталой формой. Возможно, что и представление о нации, как о надплеменном единстве, также встретит возражения.

Мы приветствуем возражения. Ибо эскизный набросок государственной структуры народной монархии подлежит обсуждению. Пусть будут ошибки, они выправятся в дальнейшем, потому что мы не можем и не должны давать сейчас какую-либо законченную форму. Ее даст грядущая эпоха и выработает сам русский народ. Мы же должны указать лишь линии основной направленности. Современные поколения России требуют безусловной конкретности, а не догматического построения. Иван Лукьянович гениально показал роль народного творчества в развитии монархии Московского периода. Проявится это творчество и после падения советской власти.

Принципиальная политическая борьба с партией солидаристов допустима. Но не является ли эта борьба несвоевременной? Не должна ли она разыграться в России? Не выгодны ли нам здесь солидаристы, как борцы с врагом № 1, то есть с большевиками, которых нужно аннулировать в первую очередь?

Разумеется, можно полемизировать с ними, ударяя в их явно слабые места (функциональную собственность, февразизм, попытки отыскать себе революционных предков и т. д.). Однако, быть может нам более выгодно, чтобы они явились в послесоветскую Россию со своей "функциональной собственностью", за которую колхозники сразу от них отвернутся и, следовательно, пойдут за монархистами-почвенниками.

Весьма неубедительны бытующие в нашей среде рецепты о сближении с "монархистами вообще", вплоть до Хуан Карлоса Испанского или Сиамского короля. Иван Лукьянович совершенно ясно отграничивал народную монархию от всех иных видов монархии, в чем был со-

вершенно прав. История учит нас тому, что все иностранные династии: Габсбурги, польские Ягеллоны, шведские Вазы, Стюарты, Ганноверский дом и т. д. были всегда враждебны русской монархии и предавали ее где только возможно.

Очень часто нас сваливают в один мешок со всякими пустозвонами, вследствие чего мы попадаем в "реставраторы", в числе которых мы ни в какой мере не стоим. Вот это-то нужно прежде всего разъяснить. Ни на какую форму реставрации современные русские поколения, разумеется, не пойдут. Нам нужно показать и доказать, что народно-монархический строй есть строй будущего, логически вытекающий из прошлого России, но не копирующий и не повторяющий этого прошлого. С этой точки зрения мы являемся *единственным* в русском мире подлинно прогрессивным движением, так как все остальные что-либо, но реставрируют. Мы же ищем новые *наши* пути. Когда это поймут теперешние русские поколения, то под наше знамя пойдут не единицы и не десятки.

На данном этапе необходимо вовлечение в наше движение всех сходно мыслящих. Этими сходно мыслящими я называю тех, в ком еще не выработалось в полной мере почвенное мировоззрение, но есть некое устремление к идее народной монархии, имеется благоприятная почва. Требовать *полного* единомыслия с нами мы не можем, не имеем права, хотя бы потому что сами не дали еще стройной схемы народной монархии. Она осталась в мозгу Ивана Лукьяновича. На бумагу же он бросил лишь отдельные сочные и смелые мазки. Поэтому ближайшая, насущная работа наша — выяснение этой схемы и одновременно *тактическое сближение* со сходно мыслящими. К этому обязывает нас сам разворот движения. Не сближаясь с "соседями" мы неминуемо сядем в келью под елью и политическая жизнь пройдет мимо нас.

Мы должны привлекать к себе лучших людей из новейших. Привлекать постепенно, методично и терпеливо. Мы не смеем рассчитывать на чудо Господне превращения Савла в Павла. Пропаганда не знает мгновенных перевоплощений, но знает Тихомирова, Струве и ряд других крупных фигур, свершивших в своей жизни длиннейший путь слева направо. По отношению же к новейшим мы должны быть особенно снисходительны. Они политически еще слепы или полуслепы. Прозревая, они попадают в обработку к солидаристам и, что хуже того, к прогрессистам-демократам, которые внушают им свою застарелую ненависть к русской мо-

нархии. Преводить их влияние возможно только в порядке длительного, постепенного процесса оглаживания и приручения, но ни в коем случае не ударами в лоб, хлыстом и выкриками.

Среди этих людей есть ценные люди, и именно они-то и нужны нам. Надо пробудить в них исконно-русское сознание и разъяснить им, что этим-то сознанием они близки прежде всего к нам, а не к прогрессистам и солидаристам. Нужно воздействовать на их здравый смысл, говорить понятным им языком, становиться на их уровень, ища в них прежде всего их человеческое, а не программное. Программы меняются, а наша человеческая сущность неизменна. На нее и нужно делать ставку, отбрасывая все временные мелочи, всю неизбежную накипь эмигрантского бытия и нашего российского безвременья.

Наше народно-монархическое движение стремится не к подавлению, не к сковыванию подлинных глубинных позывов народной воли, но к раскрепощению их и к оформлению этой стихийной воли в соответствующем ей государственном порядке и социально-экономическом строе, к освобождению народа от навязанных ему чуждых политических форм, к выявлению и определению искомой им собственной *самодержавной* формы государственного управления.

На данном этапе русский народ вступает в свой конечный период осознания и утверждения национальных чувств. Запад и его русские копиловщики не хотят понять этой его фазы. Горбачев, подобно Сталину, понимает, и базируясь на этом постарается оседлать вновь эти чувства, провести новую грандиозную спекуляцию на крови российского многоплеменного, но единого народа. Наша задача — быть созвучными вечным устремлениям российской народной стихии, и честно служить ей своей свободной мыслью.

Иной скептик махнет рукой — мол, фантазия: русский народ нас не услышит и к нам не прислушается. В этом-то и беда эмиграции — в неизбежном застаивании мысли, а следовательно, в закисании ее, вызывающем гнилостное брожение. При таком застое мысли, люди не способны понять, что нам только нужен доступ к русскому народу. Дальше само потечет. Интерес ко всему печатному приходящему из-за рубежа, в России огромен. Газета Деспотули "Новое Слово" зачитывалась до клочков в зоне оккупации на левобережье Днепра, куда немцы ее не пропускали. О том, как читали "Россию в концлагере" И. Л. Солоневича писа-

лось много. И это неудивительно. Удивительно то, что самая настоящая советско-пролетарская молодежь упивалась романами генерала Крайснова и романами Вертинского! Что касается сегодняшнего дня, то достаточно поговорить наедине с любым подсоветским циркачем, матросом, техником оказавшимся на Западе, чтоб убедиться насколько он изголодался по свободному слову, с каким интересом он набрасывается на наши газеты и книги. Это понимание происходящего в истории России процесса мало доступно среднему эмигранту и может ему показаться парадоксальным.

Но факты — вещь упрямая.

Мы все порою ошибаемся. Но есть один простой рецепт, могущий спасти от многих ошибок: *не верьте ни февразисту, ни демократу*. Все эти люди тянут влево, а влево — одно лишь непроходимое болото: революция. Поразительно: после всего, что демократы натворили в России, а сейчас творят в США, Европе, Латинской Америке, по всему миру — находятся русские люди, простирающие им свои объятия. Какая-то патология, утеря чувства самосохранения. Неужели так трудно проследить по всем их делам и высказываниям, что они ненавидят Россию и нас, русских, какой-то утробной ненавистью? Ведь это же, как шило из мешка, лезет на каждом шагу. Имено из этой ненависти и родилась вся русская беда — все эти чека, гугаги и психотюрмы. За что ненавидят? За "черту оседлости"? Но ведь она была размером чуть не во всю Европу, а за ней много евреев жило даже в Царском Селе. За "погромы"? Но за них царское правительство карало виновных. У нас все же не жгли евреев на кострах, подобно Западу. И однако Запад демократам "в доску своей", а Русь ненавистна.

Ненавидят нас демократы по душе нашей разной. Разве русский это дух, русское дело — вылавливать "коллоработников" через 40 лет после войны? Разве русская это идея — какие-то механически сколоченные колхозы-кибуцы, где каждый шаг человека предусмотрен "законом"? Разве русское это дело: десятилетиями, настойчиво, планомерно преводить в жизнь революцию, а совершив ее, бежать за границу переодетым в женское платье, как бежал Керенский — подлиннейший представитель "русской" демократии?

Патриот несет свой камень для построения фундамента нового государства русского.

Демократ несет свой камень за пазухой — дабы этому построению воспрепятствовать.

О. БАРТЕНЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Волков-Муромцев. "Юность" (Париж, 1983). О. Хрептович-Бутенева. "Перелом" (Париж, 1984). А. Герасимов. "На лезвии с террористами" (Париж, 1985. Всероссийская Мемуарная Библиотека. Основана А. И. Солженицыным.

Живо и интересно написанная книга Волкова-Муромцева расчленяется на 3 части: до революции (которую бы можно озаглавить *потерянный рай*), под властью большевиков и у белых. Детство мемуариста падает на период перед Первой Мировой войной. Его отец, крупный помещик, в хорошем смысле слова либеральный и прогрессивный, поддерживал наилучшие отношения с крестьянами, что и сказалось в годы революции. Сам Волков считает, что людей надо делить не на крестьян и помещиков, а на городских и деревенских; и, видно, он всегда умел с успехом действовать согласно данному принципу.

После Октябрьской Революции, 15 лет от роду, едва окончив гимназию, Волкову случайно повезло устроиться в Москве на службу в И. М. К. А. Удача вскоре обернулась бедой: пойдя с поручением от начальства в английскую миссию, он оказался схвачен чекистами и угодил на Лубянку. Произошло это в связи с авантюрами английского консула Локкарта (о котором мы читали в книге Н. Борберовой "Железная женщина"). Самого Локкарта, с которым один раз встретился, Волков оценивает как *самоуверенного дурака*. Выпущенный по счастью на свободу, он мечтает пробраться на юг, к белым; и тут разыгрывается загадочный эпизод с *Главсахаром*.

Молодой контр-революционер обнаруживает существование организации с таким именем, имеющей как бы 2 лица: официальная цель — подвоз сахара с юга; а так как в том районе неспокойно, — действуют *зеленые*, — то вербуются бойцы для охраны; и таким путем открывается путь для желающих бежать от этого Волков, вместе с несколькими друзьями, и выполнил, несколько по дороге массу увлекательных приключений. Но и по сейчас он не решается объяснить, что же такое был *Главсахар*.

Странно, но я могу пролить на это свет. В Париже, после Второй Мировой, я был близко знаком с председателем Союза Русских Дворян Н. Ф. Иконниковым (по образованию энтомологом, и специалистом с мировым именем по изучению саранчи). Раз, зайдя к нему в гости, я обратил внимание на серебряный кубок с надписью о поднесении ему одного "от Конвоя Главсахара". Удивившись курьезному названию, я спросил о происхождении подарка, и Николай Флегонтович мне рассказал любопытную историю (кажется, он мне даже дал прочесть отрывок из своих мемуаров...). Способный организатор, Иконников, находясь в красной Москве, предложил властям наладить снабжение сахаром (что аккуратно и выполнял), а на деле создал сеть для побегов к белым, которая безотказно и работала, пока один из беглецов, по наивности, не расхвалил работу Главсахара в газете, издававшейся у белых. Тогда Иконникову пришлось свернуть предприятие и бежать к белым самому.

У белых Волков служит в кавалерии (при одной из атак захватывает лично 2 пулемета), получает ранения и орден, с трудом проникает на

судно при эвакуации и, заболев тифом, попадает сначала в английский, потом во французский госпиталь, где союзники с русскими обращаются предельно по-свински, где он чуть не погибает, и откуда спасается лишь благодаря личному знакомству с генералом Врангелем. Колесо Фортуны опять поворачивает родственники: о нем вспоминают родственники в Англии, и он уезжает туда (где и на всю жизнь остается).

Хочется остановиться на одном эпизоде в его белой эпопее. Белогвардейцам попался пробравшийся к ним юноша, граф Ростопчин, которому они сперва не поверили, считая почему-то родом Ростопчиных угасшим на московском генерал-губернаторе эпохи Отечественной Войны. Благодаря сочувствию Волкова, беглецу удалось доказать справедливость своих утверждений и тем избавиться от неприятностей. Тут надо сказать, что, во-первых, у генерал-губернатора Москвы был сын, Андрей Федорович, женатый на талантливой поэтессе Евдокии Ростопчиной, урожденной Сушковой. А во-вторых, что я в Париже в 50-е годы был знаком с графом и графиней Ростопчинскими, принимавшими активное участие в монархической работе (к сожалению, я их позже потерял из виду). Не были ли уж данный граф тем юношей, на которого наткнулся Волков? По возрасту он, пожалуй, другое им быть.

Любопытно и другое, отступление от текста у Волкова, о мальчишке, приехавшем еще в царское время из провинции для поступления в Морской Корпус, который удивил экзаменаторов своим титулом князя Сибирского, оказавшимся при проверке совершенно законным. Линия эта тоже не совсем безвзвешенная: например, Ф. Вигель, современник и знакомый Пушкина, рассказывает в своих мемуарах о некоем князе Сибирском, строго наказанном на его память (возможно, и несправедливо) за какую-то провинность по службе.

Книга графини Хрептович-Бутеневой охватывает (к сожалению!) только короткий этап из ее жизни; но его довольно, чтобы вызвать у нас живую симпатию к автору (какая разница с опубликованными в той же серии мемуаров репатриантки Н. Кривошеиной!)

Захваченная врасплох большевиками, вместе с мужем и его детьми от первого брака, в их имении в Восточной Польше в 1939 году, она была разлучена с семьей и выслана в Казахстан. Хотя до того она, как сама рассказывает, всегда подчеркивала свою русскость, графиня устанавливает самые теплые отношения с польскими товарищами по несчастью. Заброшенная в голодный и нищий русский колхоз под Актюбинском, она становится посредницей между населением и изгнанниками. И тут, как прежде, она видит всегда в первую очередь хорошее в людях, почему ей и удается со всеми заводить дружеские связи. Она понимает, что виноваты не люди, а система: "Страх перед всем и всеми, произвол, зло, возведенное в доблесть..." Когда, во время войны уже, поляков и ее вместе с ними отправляют работать на полях у узбеков, она и в тех находит таких же людей, добрых и страдающих: "Узбеки тоже увидели, что работали мы охотно и не хуже, что настроены мы против советского строя, как и большинство из них, и стали к нам относиться дружелюбно и даже с жалостью".

Спасла ее, и остальных вывезенных из Польши, амнистия, которой добился генерал Сикорский, при поддержке Англии и Америки. Об этом повествует заключительная

часть воспоминаний Ольги Александровны Хрептович. Деловые ее качества проявились в том, что ее сразу привлекли на службу в польской делегатуре, сперва в Актюбинске, потом в Бузулуке. В конце концов, ей удалось выехать через Ташкент в Персию, для работы в отделении Красного Креста армии Андерсеа. Ее муж был освобожден немцами из советской тюрьмы в Барановичах, и смог пробраться с детьми во Францию, где она с ним и соединилась вновь; правда, не на долго: через год он умер.

Воспоминания руководителя Петербургского Охранного Отделения, исполнявшего свою должность с 1905 по 1909 год, читаются как детективный роман, тем более захватывающий, что речь в нем идет о судьбах России. Имена Гапона и Азефа, для нас исторические, были для автора именами хорошо знакомых людей. Многие его страницы перекликаются, например, с романом С. Мстиславского "На крови" (тот, бывший эсэ, описывал смерть Гапона как участника и очевидца) и произведений Алданова (его биографией Азефа и циклом романов, начинающихся "Ключом"). Напрашивается даже мысль, не Герасимова ли изображал Алданов в лице Федосьева?

Только, если Алданов видит в Азефе беспринципного авантюриста и чудовищного тайного агента — добросовестный тайный агент, глубоко презиравший революционеров и восхищавшийся деятельностью Столыпина.

Объясняются из рассказа полковника — затем генерала — Герасимова странные картины, знакомые нам по воспоминаниям старых польщиков: мелочные сыщики, всегда в единообразных гороховых пальто; жандармы, наивно позволяющие арестанту сбежать у них из-под носа. Оказывается, часто пускались в ход филеры, имевшие специальным заданием обратить на себя внимание выслеживаемых террористов и их спутников; а побег нарочно подстраивались, по разному рода деловым соображениям (в частности, чтобы проследить связи преступника).

Борьба велась жестокая: убийства со стороны террористов, казни со стороны правительства. Хотя Герасимов подчеркивает как свое стремление избегать смертных приговоров, так и свое уважение к фанатикам, рисковавшим собою за свои убеждения и умиравшим как герои. Они и были героями, да; но какому делу служили?! Что бы они сказали, зная они, какими страшными страданиями их родная страна будет долгие годы платить за их действия...

По всему судя, Герасимов был мастер своего дела, и в мире конспираторов ориентировался словно у себя дома, при помощи искусно подобранных агентов. Более сомнительны его отзывы о служебных интригах, об его соперниках и противниках. Наибольшую симпатию он питает к Столыпину, время под начальством которого называет самым счастливым в своей жизни.

Удивляют некоторые детали. На вопрос царя о масонах, Герасимов ответил, что масонской ложи в России, видимо, вообще нет! Или он был очень плохо осведомлен (во что верить с трудом...) или неискренен. Когда он, будучи уже в отставке, слышал о планах, заговором справа, отстранить от власти царя, то воспринимал это не без сочувствия. Странная позиция для начальника охраны, хотя бы и бывшего! А к чему бы заговор мог привести — кто знает? но вряд ли к лучшему...

З. Скуинь. "Мемуары молодого человека" (Москва, 1984).

Мы раскрыли книгу с большим интересом: переведенный с латышского роман современного талантливого писателя, видимо популярного в Латвии, — тут, мы надеялись, многого можно найти о положении сейчас в данной стране.

В этом отношении книга нас разочаровала, хотя мастерство автора налицо, и даже он вызывает симпатию. Но ... от главных проблем он явно уходит. Например, в какой мере продолжает употребляться латышский язык? Есть ли и какие конфликты с русскими, переселяющимися в Латвию или работающими там?

Насчет языка даже неясно: на пример, описана поездка героя в Таллин. Как он объяснялся с эстонцами? Очевидно, — по-русски (прежде языком общения мог служить немецкий; но молодое поколение его не знает).

В целом, подчеркнут интерес к латышским классическим писателям (как Райнис, Барон, Алуан), к истории Латвии (упоминается восстановление дворца Бирона в Рунделе). Но в основном — речь о личной, интимной жизни центрального персонажа, Калвиса Зариня, и нескольких его друзей.

Его отношения с матерью и отцом (который бросил было семью, вскоре после рождения сына, но теперь к ней возвращается), с дедом (латышским интеллигентом старой закалки, который умирает в конце романа), с не слишком симпатичной невестой Зелмой (эгоисткой и карьеристкой, намеченный брак с которой постепенно расстраивается), самоубийство его приятеля Рандольфа (на почве запутанной любовной истории). Видное место отведено и научным увлечениям героя (он — студент и одновременно работает в исследовательской лаборатории).

Местами угадываются переделки для цензуры (авторские? редакционные?). Девушка говорит, что не хочет ехать учиться в Москву, чтобы не выигнать замуж за иностранца; и уточняет, что ее подруга там выжила одна за араба, другая — за мексиканца. На деле она, вероятно, имеет в виду браки с русскими, вместо латышей.

В общем, знакомая нам картина: люди уходят в личную жизнь и в науку, ибо политика и общественная деятельность захвачены большевиками.

Может быть, самое живое в романе, — ностальгия по простой, деревенской жизни и по прошлому. Об этом говорит идиллия между Калвисом и Зелмой при поездке к ее бабушке с бабушкой, живущим в некоем глухом, далеком от центров колхозе.

Но особенно — слова отца девушки, из-за которой утопился Рандольф. "Родители должны детей воспитывать. А мы их распустили. Сами в рассуждениях своих запутались: неужто и впрямь то, что раньше дурным почиталось, теперь стало хорошим... Не отстояли мы святыни предков... Вина наша велика... Позволив детям предать зветы отцов, мы, в свою очередь, отцов предаем. За это придется принять наказание".

Комсомол, общественные нагрузки и пр. — даны как нечто официальное и неизбежное, отчасти даже вроде какого-нибудь западного скаутизма. Нет никаких попыток изобразить энтузиазм, увлечение советскими идеями или что-либо подобное (и слава Богу!).

Владимир Рудинский

Политический Калейдоскоп

В последнее время, все внешне-политические инициативы СССР всегда обязательно вращаются вокруг программы "звездных войн" США. Перед началом возобновления в середине января женевских переговоров о разоружении, Горбачев предложил новый план разоружения. Этот план состоит из предложения ликвидировать полностью к 2000 году все виды ядерного вооружения, в трех этапах: в течение ближайших пяти-восьми лет СССР и США должны ликвидировать половину всех ядерных вооружений, которые могут достигнуть территории друг друга. Начиная с 1990 года, и в течение пяти-семи лет и другие государства обладающие ядерным вооружением должны его ликвидировать. Начиная с 1995 должны быть ликвидированы все остатки этих вооружений, так чтобы к 2000 году их больше не было на Земле.

Одновременно, Горбачев заявил, что СССР готов продлить мораторий на ядерные взрывы, который был односторонне объявлен СССР до конца прошлого года. Теперь этот односторонний мораторий будет продлен до конца марта, и дальше, "если США со своей стороны тоже остановят свои ядерные испытания". Некоторые западные комментаторы отмечают, что эти ядерные испытания нужны США для совершенствования своей новой "космической обороны", также называемой "программой звездных войн", и что СССР поэтому так и настаивает на их моратории.

В своем заявлении, Горбачев снова касается и этой программы "звездных войн", которую он снова требует отставить. При этом он подчеркивает в своем заявлении, что Советский Союз обладает материальными и интеллектуальными возможностями тоже развить подобную программу, если он будет вынужден к этому. Однако, по словам Горбачева, "мы сознаем нашу ответственность перед сегодняшними и перед завтрашними поколениями".

Такое упорное настаивание на теме "звездных войн" несомненно указывает на какую-то ее чрезвычайную важность для современного советского руководства. Помимо экономических соображений (так как развитие собственной ответной программы ляжет тягчайшим бременем на советскую экономику) могут быть соображения и внутреннего порядка, нам заграницей хорошо известные. Например, нежелание усиления военного сектора в рамках советского режима.

Наоборот, в США эта программа если и встречает некоторые политические возражения, с экономической стороны приветствуется многими промышленными секторами, которые она сулит богатые заказы, на многие годы вперед. Как бы то ни было, сам Рейган заявил, что он "очень доволен" новым советским предложением, которое будет "изучаться с большим вниманием". Он добавил, что оно отличается от прежних подобных советских инициатив, так как впервые вносится предложение полной ликвидации всех ядерных вооружений.

П. Н.

Что происходит в Кремле?

24 декабря снят с должности первый секретарь московского горкома В. Гришин (71 год). На его место назначен Б. Ельцин (55 лет), который только полгода назад был назначен секретарем ЦК.

Со сталинских времен эти посты не совмещаются, но в таком случае для Ельцина это — понижение.

Эти перемены не были проведены через Пленум ЦК, так что место Гришина в Политбюро остается вакантным.

С точки зрения группы "провинциальных русских обкомов" Гришин, хотя и был вполне лояльным, все же считался москвичем, а не провинциалом.

Д. Р.

Среди книг

МОСТ В ПУСТОТУ

Роман И. Ефремова "Лезвие бритвы" (большой том в 640 страниц), выпущенный в Москве в 1964 году, принадлежит к жанру научной фантастики с приключенческим уклоном, с действием в России, в Африке и в Индии, с похищениями, убийствами, шпионажем, любовной интригой и всем, чем полагается. В данных рамках его бы можно одобрить (и уж верно публике он доставил удовольствие...); хотя не все нити фабулы находят в конце свое завершение; может быть, автор рассчитывал дать продолжение? или его сочинение подверглось сокращению? Притом, нужно признать, что персонажи не имеют лица и характера, делясь на героев, с одинаковым в общем языком и с достаточно трафаретным поведением.

Хуже гораздо то, что книга переполнена философскими рассуждениями (сильно ее отягощающими), — и они стоят на весьма невысоком уровне, и в моральном, и в культурном отношении. Мы бы охотно извинили автора соизаказом; да трудно! Слишком он много пыла в них вкладывал...

Главный пункт в его диалектике — яростное отрицание христианства, при особых нападках на католичество, за якобы принижение женщины и презрение к ней. Однако, как принято выражаться в английском парламенте, сии утверждения не только не соответствуют истине, но и прямо ей противоположны. Общеизвестна роль культа Богородицы у христиан, и в первую очередь как раз у католиков (которых протестанты обвиняли именно в том, что у них Мадонна затмевает самого Христа). Обличая же Инквизицию, и спе-

циально преследование ведьм, Ефремов упорно относит их к Средневековью, тогда как эти явления принадлежат целиком эпохе Возрождения. Добавим, что он тут, в основном, некритически повторяет устаревшие и надуманные построения французского историка Мишле. В реальности, ведьмы, в своем большинстве, отнюдь не были безгрешными мученицами: они оказывались виновны, почти всегда, в подлинных, по тем временам считавшихся тяжелыми преступлениях, как устройство абортов, детоубийство, отравление (с целью устранения обременительных жен или мужей, либо отправления на тот свет богатых родственников, на предмет наследования).

Отметая христианство и христианскую мораль, — причем он настойчиво подчеркивает, что мол они, наравне с Исламом, суть порождения еврейского духа, — писатель гораздо снисходительнее смотрит на индуизм; но и тот он желал бы "очистить" ото всего духовного и потустороннего. Принципы же религиозной нравственности он предлагает заменить лаической моралью, в которой чуть ли не на первом месте он ставит культ человеческого тела. К сожалению, этот безобидный, казалось бы, хотя и неглубокий культ присущ, как мы наблюдаем, и фашизму, и коммунизму, обоим в равной степени, и входит в общую схему тоталитаризма, с коим хорошо мирится и увязывается. Лаическая же мораль держится, как правило, пока у людей свежи осознанные или неосознанные пережитки морали религиозной. Потом же ... мы видели, к каким нравам привели безбожные режимы, в Германии и в России! Лучше не надо...

Для развлечения разобранный нами роман годится; научить же он не может ничему.

Савва Юрченко

О НАШИХ АВТОРАХ

БОРИС ШИРЯЕВ

Из письма В. К. Дубровского М. С. Кингстон от 9 января 1952.

В "Нашей Стране" № 102 я писал об издании книги проф. Б. Ширяева "Ди-Пи в Италии". Эту книгу надо издать во что бы то ни стало. Книга сама по себе заслуживает этого — в ней очень много пропагандного материала так нам нужного, а кроме того — и это тоже очень важно — надо помочь Ширяеву. Я не хотел никак намекать на это в своем анонсе об издании книги, чтобы его не обидеть и не превратить издание книги в благотворительное предприятие. Борис Николаевич Ширяев известен по тем статьям, которые мы постоянно печатаем. Пишет он хорошо, он — умница. Думаю, что в нашем деле он — после Ивана Лукьяновича — занимает первое место, как пропагандная сила. Находится он в Италии — лагере Ди-Пи — до сегодняшнего дня. И, может быть, вообще безнадежно — навсегда. Дело в том, что у него — в результате Соловков и прочих советских переживаний открылся туберкулез легких. Для него он не страшен — ему больше 60 лет, но какую-либо надежду на переселение куда бы то ни было отнимает навсегда. Пребывает он в связи с этим в состоянии полного отчаяния. У него жена и 14-летний сын. Все то, что он пишет — не оплачивается и они до сих пор живут на лагерном пайке и нуждаются так, что он собирает окурки. Лично от себя я послал ему пару посылок, но большего сделать я не могу. Единственным реальным способом помощи я считаю издание книги.

Языковые Уродства

О РУССКИХ ИМЕНАХ

Книжка под таким заглавием А. Суловой и А. Суперанской, выпущенная в Ленинграде в 1985 году, содержит некоторые ошибки, недопустимые в работе подобного рода. Например, разбирая иностранные соответствия нашему имени Михаил, авторши приводят итальянское *Mikele* (sic!) и не то испанское, не то португальское *Miguel*. Ударение и там и тут надо передвинуть на один слог к концу; а для испанского — и прибавить на конце мягкий знак.

Есть и сомнительные утверждения. Фамилии типа *Крикунов* выводятся из старинных "мирских имен", дававшихся детям при рождении, наравне с церковными, и якобы доживших до появления фамилий. Вернее предположить, что они происходят от прозвищ людей, называвшихся Иван или Василий, данных в зрелые годы, соответственно их характеру, и перешедших к потомкам.

Наивен поход, объявляемый против имен вроде *Машка*, *Васька*, как мол слишком грубых. Вряд ли школьники, молодежь или семьи во внутреннем обиходе откажутся от этих старых как мир и всем привычных форм.

Советские лингвистики подтверждают уже и прежде нам известное: "Большинство русских людей предпочитает старые, традиционные имена", сиречь согласно святам. *Революционные* имена первых пятилеток на манер *Трактор* или *Электрификация* потерпели полный крах и вовсе вывелись. Жизнеспособнее оказались иностранные имена как *Эдуард*, *Эвелина*; они еще даются, но уже редко. Более курьезный факт: число имен в употреблении (*календарных*, как выражаются сочинительницы, чтобы не говорить *церковных*), катастрофически упало; их осталось не более 180-200. "На каждые 1000 человек в начале века их приходилось до 140, к концу 70-х гг. — не более 80". К числу наиболее частых мужских имен, даваемых детям, принадлежат теперь Александр, Андрей, Дмитрий, Игорь и Сергей; женских — Елена, Ирина, Марина, Наталья, Ольга, Светлана и Татьяна. По статистике в Ленинграде на 1967 год, на 1000 мальчиков приходилось 142 *Сергея*, на 1000 девочек — 144 *Елены*. К числу редких имен принадлежат теперь не только Никита, Матвей, и Яков, но даже и Федор.

Наиболее интересной частью книги является сводка официальных советских правил об употреблении в документах фамилий, имен и отчеств. Иные из этих правил — курьезны. Например, *Анастасия* и *Настасья*, *Катерина* и *Катерина* считаются за разные имена. Отчество от *Франсуа* образуется как *Франсуаевич* (!). Множественное число от имен типа *Берг* не допускается; *Берги* можно говорить только в бытовой, но не официальной, речи.

Вполне разумными представляются зато следующие указания (на каждом шагу нарушаемые в эмиграции!): "*Иван Иванович Сима* в родительном падеже должно быть *Ивана Ивановича Сима*. Если будет написано: для *Ивана Ивановича Сима*, это значит, что в именительном падеже данная фамилия имеет форму *Сим*, а не *Сима*. Оставленные без склонения мужские фамилии типа *Ветер*, *Немешай* будут приняты за женские".

Аркадий Рахманов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СТРАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Нам пишут из Вашингтона:

Конгресс Русских Американцев нанял управляющей делами представительства этой организации в Вашингтоне Евгению Юрьевну Заречняк. Этот выбор вызвал недоумение в русских политических кругах восточного побережья США, поскольку до сих пор Евгения Заречняк, дочь покойного деятеля НТС Юрия Герцога, служила в советском книжном магазине Виктора Камкина в Вашингтоне. Муж бывшей служащей советского магазина является чиновником Государственного Департамента США.

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

Нам пишут из Мюнхена:

Московский городской суд приговорил ведущего самиздатского автора Льва Тимофеева к шести годам заключения в концлагере и пяти годам последующей ссылки. Л. Тимофеев, по образованию экономист, был арестован 19 марта 1985 года. К моменту его осуждения в американском русскоязычном издательстве "Эрмитаж" вышла его книга "Последняя надежда выжить". В эту книгу включен, в частности, публицистический очерк "Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать". Основной тезис Тимофеева сводится к тому, что советская система есть сознательно созданная и тщательно охраняемая система организованной нехватки и нужды, цель которой — сохранение власти партийного аппарата, стоящего у рычагов хозяйственно-экономического распределения.

ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ С ЛИНИЕЙ "НАШЕЙ СТРАНЫ" — ДОСТАНЫТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ.

В Аргентине

ЗАБАСТОВКИ И ЭКСПОРТ

Всеобщая забастовка 24 января явилась как бы своего рода апогеем длинного ряда частных забастовок. Некоторые из этих забастовок выражаются в так называемой "работе в согласии с регламентом", то есть просто в "работе спустя рукава". Вот уже больше месяца так работает аргентинская почта, так что на почте скопилось около 18 миллионов недоставленных писем и почтовых пакетов. В том числе и бандеролей с "Нашей Страной".

С экономической стороны забастовки вызваны главным образом так называемым "замораживанием жалований", которое вступило в силу — одновременно с "замораживанием цен" — с началом "австралийского плана" в середине июня прошлого года. Несмотря на это "замораживание цен" инфляция все-таки продолжает существовать, хотя и в резко сниженных темпах. Как мы уже писали, во второй половине 1985 года цены повысились в среднем на 20,2%, в то время как жалования

6-го января после продолжительной болезни скончался в Лос Анжелесе, США полковник Лейб гвардии Волинского полка

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ КОЛЮБАКИН

о чем с прискорбием извещают племянницы Н. В. Иванюк и Н. В. Колюбакина и племянники Л. В. и Д. В. Колюбакины и выражают искреннее соболезнование вдове покойного Нине Александровне и сестре Марии Алексеевне Полевской.

Волею Божией 4-го января с. г. на 90-м году жизни скончался

ХРИСТОФОР ВЛАДИМИРОВИЧ АРАКЕЛИАН

16 февраля в 15 часов на Британском кладбище в Эспелета, в пригороде Буэнос Айреса в 40-ой день будет отслужена панихида, о чем с прискорбием сообщает жена покойного.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ДОПОЛНЕНИЕ

По поводу заметки о Н. Каразине в № 1841 "Нашей Страны", за подписью В. Р., позволю себе сделать следующее уточнение. Рассказ, — или вернее, повесть, — М. Зуева-Ордынца, напечатанная сперва в журнале "Вокруг Света", а потом и отдельной книгой, называлась, если память мне не изменяет, "Гуя пустыни". Помню и иллюстрации, на которые ссылается В. Р. На одной, на обложке журнала, был изображен центральный персонаж, русский офицер, заблудившийся в пустыне, смотрящий с холма на расположенные внизу, в долине, развалины азиатского города (где, как потом оказывается, жили прокаженные, изгнанные из своих кишлаков во избежание заразы). На другой, он же защищается саблей от напавшего на него варана, степного крокодила. На последней, наконец, он представлен на больничной койке, после того, как добрался до своих.

Зуев-Ордынец был писателем не без таланта, пока действовал в сфере приключенческих и научно-фантасти-

ческих рассказов и даже романов (как, например, "Сказание о граде Ново-Китеже"). К сожалению, позже он перешел (вряд ли по своему желанию...) к жанру производственных очерков, — и тогда стал непроходимо скучен.

Г. Садыкбаев (Канада)

ГАЗЕТА БЬЕТСЯ

За последние годы "Наша Страна" освежела, окрепла, обрела какой-то новый стержень. Это можно заметить и по ее резонансу, который уже сам по себе говорит о пробужденном интересе. Газета интересна не тогда, когда она спокойно переживает общепринятые мысли, а когда она бьется за нечто новое, как бился Иван Солоневич, например! Роль бойца, понятно, более трудна и беспокойна, но она более осмыслена, да и — в конечном итоге — более выгодна в духовном плане.

Д. Карамышев (Германия)

остались замороженными. Конечно, некоторые предприятия кое-какие прибавки все же давали, но не гласно, так как это правительственным декретом запрещено. С 1-го января 1986 года декретом была дана всеобщая прибавка на все жалования в 5%, плюс еще 5% для частных (но не государственных) жалований, при условии увеличения производительности. Если в январе инфляция достигнет 3%, то аккумулятивно за всех 7 месяцев с начала австралийского плана будет достигнуто почти что 24% инфляции, так что, конечно, прибавка жалований даже в 10% сильно отстает от повышения цен.

С другой стороны, правительство никак не может позволить, чтобы все жалования страны массивно путем правительственного декрета резко поднялись, так как это автоматически вызовет такой же резкий скачок инфляции. Кроме того, если правительство в скором будущем представит парламенту свой бюджет на этот год, в котором будут как-то приняты во внимание требования Международного валютного фонда (в частности, чтобы дефицит этого бюджета не превышал 3% национального продукта), оно не может одновременно взрывать этот самый бюд-

жет повышением жалований, так как больше половины расходов предвиденных в государственном бюджете являются жалованиями государственных служащих. В связи с этим, профсоюзы ведут атаку и против "соглашательства" с Международным валютным фондом.

Выхода из этого порочного круга в рамках современной системы как будто бы нет. Или нужно будет и дальше упорно сопротивляться массовым повышениям жалований, несмотря на все рабочие конфликты, или нужно будет отступить от австралийского плана. Конечно вне системы, которая в Аргентине уже существует около 40 лет, можно было бы найти выход. Например, освободить весь частный экономический сектор от всякой регламентации, и в том числе освободить все цены и все жалования этого сектора, но при одновременном заявлении, что государственный сектор в этом году никаких прибавок в ценах за свои услуги и товары (электричество, газ, почта, телефон, бензин и т. д.) делать не будет, как не будет и прибавлять жалований государственным служащим и служащим государственных предприятий. Или, даже можно было бы уточнить, что все прибавки жалований в

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ

В воспоминаниях А. Левитина-Краснова можно найти много интересного. Вот, например, что он пишет: "Что скажет об этом история? — Верно, солжет по обыкновению. Пример исторической несправедливости: Екатерина Вторая. Нет государя, который бы сделал для России столько добра, как эта высокоталантливая, энергичная и трудолюбивая женщина; именно в ее царствование Россия начинает приобретать облик цивилизованного государства, с этого времени ведут свое начало русская интеллигенция, русское общественное мнение, гласность, русский гуманизм. Не говоря уже о великолепной, блестящей государственной деятельности, благодаря которой Россия стала одной из ведущих держав Европы и обогатилась чудесными черноморскими жемчужинами. И что же? В народной памяти она сохранилась как героиня нескольких анекдотов. Во всяком случае, старые питерцы, влюбленные в свой город, обязаны воздать честь ее памяти. Петр Первый положил основание новой столице — Екатерине Вторая построила на этом месте один из самых прекрасных городов мира". ("Лихие годы", "Имка-пресс", 1977, стр. 273).

А вот что сказано в других мемуарах: "В предместье Ростова-на-Дону, Нахичевани, на площади стоял памятник Екатерине Великой. Могушественная повелительница благословляла армян: она разрешила им здесь поселиться. На доколе крупными золочеными буквами было начертано: "Екатерине Великой от благодарных армян". При установлении советской власти памятник сволокли, а на постамент водрузили гипсовую головку Карла Маркса, унаследовавшего от своей предшественницы не только место, но и армянскую благодарность. Прошло время, и к большому сожалению ростовских юмористов надпись исчезла, но память людей как всегда оказалась крепче материальных символов, и свидания долгие годы назначались по-прежнему — У Екатерины". (С. Бабенцева, "Внутренние противоречия", № 4, 1982, стр. 183).

Е. КАРМАЗИН

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Монрое 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,20. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kirieeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: M. Kirieeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980